

Георгий Виллиам

Побежденные

Георгий Виллиам

Побежденные

«Public Domain»

1923

Виллиам Г. Я.

Побежденные / Г. Я. Виллиам — «Public Domain», 1923

«Мы подходили к Новороссийску. Громоздились невысокие, лесистые горы; море было спокойное, а из воды, неподалеку от мола, торчали мачты потопленного командами Черноморского флота. Влево, под горою, белели дачи Геленджика...»

© Виллиам Г. Я., 1923

© Public Domain, 1923

Содержание

Моя родина	5
Бурачки	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Георгий Виллиам

Побежденные

Моя родина

Мы подходили к Новороссийску. Громоздились невысокие, лесистые горы; море было спокойное, а из воды, неподалеку от мола, торчали мачты потопленного командами Черноморского флота. Влево, под горою, белели дачи Геленджика.

Под самым городом сиротливо торчали высокие трубы и громоздились большие здания двух цементных заводов, конечно, «справляющих революцию», т. е. бездействующих. Городские здания красиво расположились по правую сторону бухты; чернели дебаркадеры пристаней, элеватор. Кое-какие постройки скучились около заводов, подошли к белому кружеву прибоя; а на вершине самой высокой горы, как голубь на колокольне, белел крохотный домик, вокруг которого ползали по горе неясные черные точки. Как я узнал потом, домик этот был правительственной обсерваторией для метеорологических наблюдений. Подвижные точки по горе – было стадо проживавшего наверху астронома, которого почему-то называли «гастрономом»

Когда наш пароход наконец бросил якорь и остановился на рейде против английского крейсера-стационара, ко мне подошел с раскрытым от удивления ртом маленький, похожий на макаку, человек в коротенькой курточке пароходного «боя» и с некоторым недоверием в голосе спросил: «That is your country?»

Человек этот в течение трехнедельного плавания от Лондона до Новороссийска прислуживал мне в каюте и за столом и еще накануне выразил уверенность, что я дам ему «на чай» не менее английского фунта.

– Потому что, – ломаным английским языком разъяснил он свою претензию, – у меня на родине вот такие маленькие дети, – он показал на четверть аршина от палубы, – а вы, сэр, человек богатый, потому что вы едете в первом классе и у вас большой багаж.

Однако едва ли не при первом взгляде на берег, против которого мы остановились на рейде, уверенность в том, что он получит от меня фунт, видимо, сильно поколебалась. Человек-обезьяна, выдававший себя за португальца, метис с Суматры, смерил меня высокомерным взглядом и переспросил:

– Это ваша родина?

Делать было нечего: приходилось сознаться, что мы действительно прибыли наконец в мое богоспасаемое «интернациональное» отечество, в территорию, занятую Добровольческой армией.

А картина на берегу открывалась неприглядная.

Стоял чудесный солнечный сентябрьский день, и горный пейзаж вокруг залива был восхитителен. Но в этой прекрасной раме из голубого неба и темно-зеленых гор тянулись вдоль берега неопрятные казенные выбеленные сараи, у которых стояли на часах оборванные, обросшие солдаты в папахах, солдаты, скорее похожие на опереточных бандитов, чем солдат. Уныло тянулись на рельсах вдоль сараев ряды разбитых загаженных вагонов. Резко посвистывали жалкие инвалиды-паровозы, покрытые копотью и ржавчиной. Далее, поднимая облака белой цементной пыли, медленно ползли грузовые автомобили. Между путями бродили тощие поросята, куры; бездомные псы рылись и грызлись в кучах мусора; несколько оборванцев безучастно глазели на пароход. С криком носились чайки и дрались из-за плавающих у берега арбузных корок и отбросов с кораблей.

Из дверей товарного вагона вышла и неловко спрыгнула на-землю молодая миловидная женщина, одетая по-городскому, и тотчас же вступила в мимическую беседу с нашими кочегарами, облепившими борт с кормы. Женщина показывала что-то руками и кричала; кочегары-индусы отвечали ей и ржали от удовольствия, сверкая своими жемчужными, зубами.

Несколько грязных закопченных катеров тотчас же подошли и причалили к пароходу; а один начал плавать вокруг, и сидевшие в нем два черномазых господина жадно искали чего-то на палубе глазами и что-то кричали матросам. Матросы дождались, когда они подъехали вплотную и, при громком хохоте, окатили их водой. Катер с отчаянной бранью быстро отошел и снова начал, пофыркивая скверным двигателем, словно откашливаясь, плавать вокруг.

Быстро покончил с проверкой документов английский военный контроль, и на пароход поднялся по трапу безусый подпоручик в низкой кубанской папахе, с трехцветной нашивкой на рукаве. За ним, лениво волоча винтовку, взобрался оборванный солдат.

Нас, русских пассажиров, было на пароходе всего четверо; пароход был военный и привез в Новороссийск груз снарядов и взрывчатых веществ.

Офицер с нашивкой подошел, приложил руку к папахе, отрекомендовался комендантским адъютантом и сейчас же спросил, не желает ли кто-нибудь из нас обменять иностранную валюту на русские донские деньги.

Видимо, несколько конфузясь, он добавил:

– Знаете, это мой долг, чтобы вас не обманули спекулянты... Вот они... Уже пронюхали, что есть пассажиры. А вы думаете, они станут даром жечь бензин? Нет, они очень даже знают, зачем пожаловали...

Вынув бумажник, адъютант сообщил, что у него случайно есть при себе несколько тысяч, и предложил обменять их – из любезности. Мы согласились, потому что русских денег у нас действительно не было; однако после оказалось, что предупредительный поручик жестоко нас надул.

За это он посвятил нас в местные злобы дня.

– Видите, – показал он на своего солдата с винтовкой сурово посматривавшего на нас, – этого молодца я вожу с собой повсюду, потому что нет сладу со спекулянтами. Знают, подлецы, что я встречаю все заграничные пароходы, и липнут: возьмите да возьмите с собой, поручик. Раз я взял одного грека с собой на пароход, – уверил, что мать его с сестрой из Константинополя приехали, – так что же вы думаете? Ни матери, ни сестры не оказалось, а он за два с чем-то часа двести тысяч рублей заработал, весь пароход ограбил да еще мне, каналья, осмелился двадцать тысяч за содействие предложить! Да это еще ничего: они вышки особые на крышах у себя понаделали да в бинокль и следят – не покажется ли от Геленджика пароход. Разбойники!

Потом поручик рассказал, что теперь в Новороссийске, слава богу, спокойно: стрельбы на улицах почти совсем не бывает, и совершенно притихли «зеленые».

Видя недоумение на наших лицах, он спохватился и объяснил.

– Зеленые – это просто бандиты.

Поручик бегло посмотрел на солдата; тот потупился, и едва заметная усмешка скользнула по сжатым губам: – Знаете, дезертируют в горы и грабят. Ну, особая вражда к офицерству. Конечно, и мы их не милуем. Но теперь притихли; а прежде, бывало, на базаре господ офицеров обезоруживали...

Солдат ухмыльнулся; поручик сверкнул глазами, но промолчал; потом откозырял на прощанье и уехал и, пообещав прислать за нами катер, посоветовал больше сотни не платить.

– А то они готовы шкуру снять с приезжего, особенно, когда увидят, что интеллигент... Хуже зеленых, могу сказать... Словом, народец!

Через час приехал обещанный катерок. На корме сидел весь вымазанный углем мальчик в серой бараньей шапке-бадейке. Босой и гибкой, как у обезьяны, ногой, совершенно черной

от присохшей к ней грязи, он ловко правил рулем и, сверкая белыми зубами, с аппетитом ел арбуз с хлебом. Когда катер, описав полукруг, причалил к трапу, я спросил у мальчика:

– Сколько стоит этот арбуз?

Мальчишка вскинул на меня из-под бадейки смелыми, серыми глазами и ответил нехотя:

– Пятьдесят рублей.

Я любопытствовал:

– Сколько же ты получаешь жалованья, если можешь есть такие дорогие арбузы?

Мальчик, продолжая откусывать сочные, кроваво-красные куски, ответил:

– Полтора в день.

– Рублей?

– А что?

Мальчик продолжал есть свое дорогое кушанье с невозмутимым спокойствием, по-видимому, находя совершенно нормальным, что арбуз стоит пятьдесят рублей, что ему платят полтора в день и при этом он выглядит совершенно голодранцем. Во взгляде его серых глаз уловил что-то очень близкое к тому, что заметил в усмешке солдата, когда поручик говорил о зеленых; не то насмешку, не то угрозу.

На берегу, куда нас доставил катер – увы! – не за сотню, как нам обещал адъютант, – наш багаж был с величайшей тщательностью осмотрен таможенными, заставившими нас вдобавок прождать до самого вечера. И вот я – опять на родине!

Едкая цементная пыль, чахлые желтые цветы, дичь и мерзость. Под дебаркадерами великолепно оборудованного порта кучи мусора, толпы слоняющихся оборванцев в белых холщовых рубашках и штанах, в фуражках цвета хаки.

– Красные, пленные, – мотнув на унылые фигуры, сказал нам рулевой, сдвинул бадейку на затылок, и катер запыхтел и запрыгал по коротким зеленоватым волнам порта среди арбузных корок и всякой дряни, плавающей в воде.

Скоро около наших чемоданов, сваленных кучей, собралась толпа; началась торговля насчет платы носильщикам. Цены заламывали невероятные; а со стороны посматривал на нас казак с винтовкой за плечами и нагайкой в руках. Плечи у казака были широкие, лицо рябое, взгляд разбойничий; а в легкой усмешке опять почувствовалось что-то неуловимое, похожее на то, что было в серых глазах мальчишки с дорогим арбузом и солдата с винтовкой, когда он смотрел на своего поручика.

Сделалось тошно; потянуло назад на пароход, к хорошо одетым людям с добрыми лицами и приветливыми глазами. Возврата не было.

«Это ваша родина?» – вдруг припомнил я испуганную рожицу пароходного боя и, грешный человек, на этот раз не обиделся на него и даже пожалел, что вместо ожидавшегося им фунта положил в его черную лапку с белой ладонью всего два шиллинга.

Родина встречала меня во всем смраде своего оголтения, нищеты и унижения.

А над портом кричали чайки и, быстро меняя цвета, постепенно темнели горы. Над домиком «гастронома» робко вспыхнула первая звезда.

Бурачки

Не розами встретила нас родина, но первую ночь мы провели все-таки под кровом. Пове- рив на слово комендантскому адъютанту, что в Новороссийске «почти совсем не стреляют», мы долго бродили в темноте по цементной пыли дурно замощенных улиц. Ночь была черная, южная, небо цвета глубокой лазури, все в сияющих золотых звездах. Жутко было в потем- ках среди низеньких домишек с закрытыми ставнями, какие-то тени жались вдоль стен: что- то хищное затаилось, казалось, в тишине и мраке, Изредка вырывался сноп яркого света из раскрытого греческого ресторанчика, вырывался с волной музыки, с обрывками песен и пья- ных криков. Город веселился в темноте и тайне. Долго ходили мы по неосвещенным улицам, к нашему счастью не зная, чем мы рисковали в этом городе, в котором «почти не бывает стрельбы» по ночам.

Переночевали мыс женой в душной, вонючей, с клопами, комнате у столетнего еврея, николаевского солдата. Впустив нас за невероятную цену, по рекомендаций какого-то случайно натолкнувшегося на нас почтальона, в свою квартиру, еврей наглухо запер двери и окна и даже забаррикадировал изнутри мебелью. Похоже было, что он опасался нападения разбойников и готовился выдержать осаду.

На наш вопрос о причинах такой осторожности старик ответил коротко:

– Режут.

Он принес огарок в медном шандале, присел к столу, пригладил свою пожелтевшую по краям от старости бороду и сказал:

– И что такое сделалось с людьми? Вчера рядом семью зарезали. Только ребенка грудного оставили. Бог на нашу Россию сердится.

Старик, кряхтя и кашляя, вышел и заперся. Огарок догорел. Мы долго сидели в потемках; скреблись мыши, жалили клопы; душно было. Но усталость взяла свое.

Проснулись – солнце. Бьют сквозь щели в ставнях яркие лучи. Слава богу, отдохнули и, ободренные хозяином выше всякой меры, мы вышли искать квартиру.

Не знаю, что с нами было бы, если бы мы случайно не встретили мальчика в бараньей шапке, перевозившего нас в город на катере, того самого, который получал полтора рубля в день и рулем правил не руками, как все, а ногой. В городе мышьиной норы не было: все было занято.

Звали мальчугана Павликом, и он посоветовал нам сходить к его маме.

– Может, пустит... Добровольцы все комнаты реквизируют... Ступайте на нефтекачку, спросите, где живет Бурачек. Бурачек – мой папаша.

Долго мы шли по улицам, мимо площадей, обнесенных колючей проволокой, заставлен- ных сломанными лафетами, зарядными ящиками, автомобилями, орудиями. Прошли мимо вокзала, перелезли через виадук, под которым сновали паровозы, и, наконец, подошли к двух- этажному кирпичному дому с вывеской «Контора нефтекачки». У ворот мы увидели краси- вого кудрявого парня лет восемнадцати. Он оказался братом Павлика и предложил обождать маму, ушедшую на базар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.